

Теоретические контroversы в интерпретации двойной идентичности и пути их эмпирической верификации

Аннотация

Нарастание кризисных явлений в Европейском Союзе, снижение уровня его легитимности, подъем националистических проявлений в политической жизни стран-членов с особой остротой поставили вопрос обшей европейской идентичности и ее соотношения с национальной идентификацией. Статья посвящена выявлению возможных образцов и механизмов сочетания этих двух типов идентичности в условиях, с одной стороны, беспрецедентного межкультурного и межнационального взаимодействия, а с другой, тех вызовов, угроз и разочарований, в которых оказались на протяжении последнего десятилетия народы европейского сообщества. На основе критического рассмотрения теоретических подходов четырех ведущих мыслителей современной социологической мысли — Б.Андерсона, Н.Элиаса, К.Дойча и Р.Инглхарта автор формулирует ряд объяснительных гипотез, эмпирическая верификация которых может помочь лучше понять сложные модели двойной идентификации.

Ключевые слова: двойная идентичность, национальная и европейская идентичность, множественная идентификация, “Я-идентичность”, “Мы-идентичность”, коммуникация, социальная интеграция

Вступление

Европейский Союз в последние годы переживает один из очень болезненных и наиболее тревожных периодов в его истории. В свое время присоединение новых членов, преимущественно стран из бывшего социалистического блока, прибавило объединению влиятельности на международной

арене и легитимности внутри, в частности благодаря огромной поддержке политики евроинтеграции, которую продемонстрировали политические элиты и гражданское общество новых стран-членов. В ряды единого европейского сообщества влились новые страны, народы и культуры, что дало новый импульс дискуссиям о специфике европейских ценностей, образе жизни и сущности ЕС [Castiglione, 2009; Checkel, Katzenstein, 2009; Eder, 2009]. С другой стороны, все громче звучат мнения евроскептиков, что обусловлено, во-первых, миграционным кризисом, а во-вторых, обострением вопроса демократичности принятия решений и участия граждан в политическом процессе. Отдаленность и слабая подконтрольность европейских элит генерирует рост недоверия среди населения, подрывает легитимность институтов Европейского Союза и вместе с тем — результатов их деятельности, принимаемых ими решений и Евросоюза в целом. Провал конституционных референдумов 2005 года в Нидерландах и Франции, подъем правого движения во многих европейских странах, миграционный кризис и, наконец, Брекзит, — все это вместе стало кульминацией тенденций делегитимации процессов европейской интеграции в том виде, в котором они происходили до последнего времени. Эти события побуждали к кардинальному переосмыслению — как в политических кругах, так и в среде интеллектуалов — будущего евроинтеграционных процессов и активному обсуждению идей становления и распространения общей европейской идентичности (ЕИ). Кризис институциональной легитимности ЕС заставил многих мыслителей по-новому посмотреть на (во многом недооцененную) ЕИ как на звено в цепи, объединяющее отдельные народы, демос и элиты в общеевропейское сообщество [Kaina, Karolewski, 2013; Lindberg, Scheingold, 1970; Risse, 2010]. При этом вопрос приобрел новое, крайне настоящее измерение, а именно соотношение национальной и европейской идентичностей. Стоит ли надеяться на то, что эти разные по своей природе и характеру лояльности могут мирно сосуществовать? Или же они являются непримиримыми антиподами? А может быть, вообще существует реальная возможность их продуктивного взаимодействия друг с другом и появления на этой почве качественно новой идентификации современного европейца? Именно стремление найти пути, на которых нужно искать ответы на эти непростые вопросы, вдохновляло автора этих строк. Данная статья продолжает ряд предыдущих публикаций по презентованной проблематике, в рамках которых были предложены определенные концептуальные суждения по поводу определения европейской идентичности и идентификации с Европой, соотношения их с национальной идентичностью, тенденций ЕИ в кросс-национальном сравнительном ракурсе и т.п. В данной статье поставлена **цель** прояснить суть возможных образцов сочетания двух типов идентичности — национальной и европейской в условиях, с одной стороны, беспрецедентного межкультурного и межнационального взаимодействия, возможностей расширения границ мононационального мира, обогащения путем вовлечения в мультикультурный полилог, а с другой — тех вызовов, угроз, неопределенностей и разочарований, с которыми столкнулись в последнее десятилетие народы европейского сообщества. Более конкретно, следует сформулировать концептуально обоснованные гипотезы, позволяющие на эмпирическом уровне верифицировать теоретические модели ведущих представителей современной социологической мысли.

Статья состоит из трех основных частей. В первой рассматриваются общетеоретические подходы к соотношению двух типов коллективной идентичности — национальной и европейской, в лаконичной форме предлагаются их гипотетические сочетания. Вторая часть, наибольшая по объему и самая важная по смыслу, посвящена детальному и критическому освещению теоретических наработок четырех выдающихся мыслителей в современной социологической мысли, предложивших некоторые возможные варианты взаимосвязанного развития этих двух моделей идентификации. Следует, однако, заметить, что к попыткам эмпирической верификации предложенных концепций в большинстве случаев исследователи не прибегали, по крайней мере в систематическом измерении. Поэтому в третьей части статьи автор намерен восполнить этот пробел между теоретическими конструкциями и миром реальных фактов, предложив на основании рассмотренных теорий ряд объяснительных гипотез. Они сформулированы так, что могут послужить точкой отсчета для разработки и проведения соответствующего социологического исследования в рамках количественной парадигмы.

Нация и Европа как объекты социальной идентификации

ЕС представляет собой арену столкновения различных политико-идеологических дискурсов, придающих импульс по определенным направлениям взглядам, ценностным установкам и идентификационным практикам людей. Едва ли не самая главная ось идеологического противостояния проходит между, с одной стороны, националистическими, как правило, ксенофобскими силами, ратующими за закрытость границ, недопущение миграции, приоритет национальных интересов над общеевропейскими, а с другой стороны, теми политическими кругами, которые отстаивают принципы мультикультурализма, большей открытости европейского публичного пространства, усиления европейской интеграции и превращения ЕС в более целостное и эффективное формирование. Под влиянием этих двух крайних полюсов находится подавляющее большинство рядовых граждан европейских стран, формируя собственные установки в отношении национального государства и Европы в континууме многих возможностей, которые предлагает модель двойной идентификации в качестве разновидности множественной идентификации. Эта концептуальная категория была предметом анализа в предыдущих публикациях автора [Коржов, 2015; Korzhov, 2013]. В данном случае речь пойдет об обобщающей теоретической схеме, задающей определенные параметры рассмотрения этой проблемы в рамках предложенной публикации.

Итак, понятие “множественной идентификации” базируется на интерпретативном, дискурсивно-конструктивистском понимании социальной реальности, в которой люди живут, действуют и осознают социум и собственную общественную природу. Они принадлежат ко многим социальным кругам, группам и сообществам, разным по направленности и содержанию своей деятельности, реальным и воображаемым, к которым чувствуют близость, доверие и солидарность, с которыми себя отождествляют на рациональном, эмоциональном и поведенческом уровнях, демонстрируют свою лояльность и привязанность к ним. Таким образом, каждый чувствует и осознает множественный характер своих коллективных идентификаций,

которые своеобразно актуализуются в различных социокультурных и структурных контекстах, подвержены вызовам и конгестациям, проявляют себя с разным уровнем прочности, устойчивости и валентности [Burkitt, 2008]. Эти множественные идентичности могут сочетаться в разных комбинациях. Для конкретных целей этой статьи важно прояснить вопрос о возможностях взаимодействия идентичностей на двух различных уровнях и с двумя различными по своей природе идентитетами — национально-государственным сообществом и наднациональным образованием (Европой) — и формирование на этой основе двойной идентичности. Выделяют несколько возможных вариантов концептуализации множественной идентичности в отношении этих двух объектов и формирования на этом фундаменте двойной идентичности [Herrmann, Brewster, 2004: p. 8–10]:

1. Полностью *разделенные* идентичности возникают при отсутствии любого пересечения членства в двух группах или сообществах, к которым принадлежит индивид. В контексте нашего исследования можно представить ситуацию сильного осознания национальной принадлежности и полного отсутствия европейской идентичности в случае крайнего националиста и прямо противоположную картину — сильную идентификацию с Европой и очень слабую или почти отсутствующую — с национальным государством в случае космополитически настроенного индивида. Вместе с тем возможна сильная или, наоборот, слабая идентификация одновременно и с нацией, и с Европой.

2. *Сквозные, или пересекающиеся* (cross-cutting) идентичности, возникающие, когда представители определенной группы одновременно идентифицируют себя с членами другой группы или сообщества. Например, европейская идентичность может пересекаться с гендерными или религиозными лояльностями, пронизывать их, создавая своеобразный идентификационный комплекс (как в случае приверженцев протестантских деноминаций, которые обычно отличаются более сильной европейской идентичностью и большей поддержкой ЕС и процессов евроинтеграции).

3. *Взаимодополнительные* идентичности (nested), напоминающие концентрические круги, в которых идентичность меньшего масштаба входит в состав идентичности большего масштаба, становясь ее интегральной частью. Однако при этом не происходит полного “растворения” или “подчинения” меньшего идентитета большему, хотя такая модель отчасти приобретает черты иерархической структуры, где выделяются центр и периферия идентификационных объектов. Отдельные элементы идентификационной матрицы можно отделить друг от друга, как вложенные папки. Русская матрешка может служить наглядным образом именно такой идентификационной структуры.

4. *Переплетенная*, или смешанная, идентичность типа “мраморного кекса” отличается от предыдущего варианта тем, что в ней очень трудно, если вообще возможно, выделить различные компоненты идентичности — так плотно они сплетены в единое целое.

Среди перечисленных моделей наибольшее признание в академической среде в контексте изучения сложных взаимоотношений между нацией и Европой получила третья модель. В то же время многочисленные эмпирические данные предоставляют больше аргументов в пользу четвертой схемы. В этом случае речь идет о разворачивании процессов европеизации национальной идентичности, обретения ею транснациональных и даже космополитических черт, о выходе за рамки этнически-национального измере-

ния, когда отсылка к Европе и европейским ценностям интегрируется в мировоззрение и восприятие личностью себя как представителя той или иной нации [Checkel, Katzenstein, 2009]. Результаты многих эмпирических исследований свидетельствуют о том, что люди воспринимают мир сквозь призму многих лояльностей в отношении тех или иных групп, сообществ, объединений. Зачастую восприятие себя как представителя своей нации мирно уживается, с одной стороны, с развитой европейской идентичностью, а с другой — с локальными и региональными самоидентификациями. Ничего удивительного в этом нет, но природа и механизмы такого сочетания, как и динамика таких процессов, остаются не до конца понятными.

Социальная идентичность на коллективном или групповом уровне всегда является результатом социально-символического конструирования — как целенаправленного (благодаря деятельности политических элит, образованных классов, интеллектуалов и т.п.), так и спонтанного. Это конструирование предполагает деятельность по привитию членам сообщества чувства единства, близости, схожести между собой и вместе с тем подчеркивает их отличия от других, не принадлежащих к данному сообществу. Процесс гомогенизации представителей своего сообщества требует, с одной стороны, возведения символических и даже физических границ, а с другой — создания надежного фундамента для солидарности, доверия и единства. Шмуэль Айзенштадт указывает на три идеально-типичные модели конструирования коллективной идентичности, которые он называет кодами, — примордиальность, или первобытность (primordality), гражданственность (civility) и трансцендентность, или сакральность (transcendentality, sacredness) [Eisenstadt, 1998]. Реальные коды основываются на комбинациях тех или иных элементов представленных идеальных типов, а значит, не являются однородными и могут варьировать на разных этапах исторического развития. В различных дискурсах европейской идентичности присутствуют компоненты, которые представляют все три символических кода — примордиальные, гражданские и сакральные, но с разными акцентами.

Сначала ЕИ воспринималась как бесконфликтный, линейный, эволюционный процесс, аналогичный построению национального государства, но на другом, постмодерном этапе [Hooghe, Marks, 2005]. Позже этот идеалистический взгляд сменила более реалистичная трактовка, базирующаяся не только на нормативных, но и на эмпирических основаниях. В последнее время в интерпретациях ЕИ сталкиваются две основные линии аргументации: национально специфическая, или эксклюзивная, и постнациональная, или инклюзивная. Первая основывается на идее Европы как супердержавы или сверхдержавы, что со всей очевидностью требует выработки позитивного чувства привязанности к Европе по образцу национальной идентичности. В рамках этой модели существуют отдельные модификации, в частности, с акцентом на важности общего прошлого, коллективной памяти, исторического, культурного и религиозного наследия или на особом значении современных политических процессов, на конструктивистских усилиях по созданию чувства лояльности к новому политическому сообществу [Bruter, 2005]. Вторая модель ЕИ носит постнациональный характер, опираясь на основы демократии, рыночной экономики, социального государства, уважения к правам человека и культурного разнообразия, что совпадает с концепцией “конституционного патриотизма” Юргена Хабермаса [Хабермас, 2008]. Необходимой предпосылкой возникновения данной модели иденти-

фикации является необходимость *признания*, причем признания должного, что “являет собой жизненно необходимую человеческую потребность”, а не просто любезность по отношению к другим [Тейлор, 2004: с. 30].

Европа как политико-символическое сообщество нового типа наделена определенными характеристиками, отличными от национального государства, что отражается в процессах двойной идентификации. Специфика Европы как коллективного идентитета рассматривалась автором в другой публикации [Коржов, 2015: с. 52–53]. Здесь я сделаю акцент лишь на некоторых особенностях в сопоставлении с национальным государством, а именно на более абстрактном, воображаемом характере, непривычном, новом содержании, ином символическом содержании, более выраженной политической составляющей и краткосрочной связности. Все эти свойства делают процесс идентификации с Европой “весьма проблематичным, шатким и открытым” [Коржов, 2015: с. 53].

Идентичность национальная и европейская: антиподы, сиамские близнецы или семейная пара?

Рассматривая вопрос о соотношении разных уровней идентификации, следует остановиться на отдельных теоретических моделях конструирования идентичности, представленных в работах выдающихся теоретиков современной общественной мысли. В своих рассуждениях буду опираться на концепции четырех авторов, которые внесли существенный вклад в теоретическую разработку проблематики национальной и/или европейской идентичности — Бенедикта Андерсона [Андерсон, 2001], Рональда Инглхарта [Inglehart, 1970], Норберта Элиаса [Элиас, 2001] и Карла Дойча [Дойч, 2006]. Хотя работа только одного из упомянутых авторов, а именно Р.Инглхарта, непосредственно касается ЕИ, наработки всех четырех релевантны для выявления возможных моделей и механизмов соотношения национального и европейского уровней идентификации.

Начнем с Бенедикта Андерсона, который в своем классическом труде [Андерсон, 2001], одном из наиболее часто цитируемых за всю историю социологии, рассматривает нацию как воображаемое сообщество и подчеркивает существование такого сообщества благодаря способности определенной большой совокупности людей представлять свою общую принадлежность, свое общее происхождение, судьбу, историю, свою близость и схожесть с другими. Люди могут считать себя единой общностью, несмотря на то, что никто никогда не может быть знакомым или даже просто встретиться со значительной частью своих сограждан или представителей своей нации. Итак, существование нации прямо зависит от способности этого человеческого сообщества сформировать национальную идентичность, то есть осознание собственной принадлежности, и связанные с ней эмоционально-чувственный комплекс, систему ценностных приоритетов и поведенческие модели реагирования на стимулы внешней среды. Такое воображаемое сообщество, по утверждению Андерсона, отличается определенными ключевыми атрибутами: а) ограниченность в пространстве, б) суверенность, независимость существования, в) общий характер, то есть “она воображается *общностью*, ведь, несмотря на фактическое неравенство и эксплуатацию, господствующие там, нация всегда воспринимается как глубокое и солидарное братство” [Андерсон, 2001: с. 24]. Возникновение европейской вообра-

женной общности может потенциально составлять определенную конкуренцию в сфере символических лояльностей, создавая напряжение на уровне коллективного и индивидуального сознания. Андерсон не рассматривал природу возможных взаимоотношений этих двух сообществ, однако общая логика его теоретизирования указывает на сложность их сочетания.

Другой выдающийся социолог современности Норберт Элиас в работе “Общество индивидов” сосредоточился на проблеме соотношения между личной и коллективной идентичностью, между “Я-” и “Мы-идентичностью” [Элиас, 2001]. Одним из ключевых тезисов, обосновывающихся в работе, является утверждение о том, что на разных этапах исторического развития человечества соотношение между отдельным индивидом и общностью (кланом, родом, группой, общиной и т.п.) претерпевало изменения. На ранних стадиях в традиционных обществах безоговорочно преобладает групповой уровень идентификации. Но начиная с эпохи Ренессанса чаша весов постепенно начинает склоняться в сторону Я-идентичности. В процессе модернизации меняется отношение отдельного человека к семье, общине, государству. В молодых, менее модернизированных обществах государство для многих представляет собой относительно новый уровень интеграции, в отличие от древних и более привычных, глубоко интернализированных и приближенных непосредственно к индивиду уровней — семьи, клана, племени и малой родины [Элиас, 2001: с. 246–247]. Много внимания автор уделяет длительному и никем не запланированному процессу, который, начиная с формирования мелких и слабо дифференцированных социальных единиц, ведет к более значительным, дифференцированным и комплексным социальным формам [Элиас, 2001: с. 232]. Одновременно меняется и положение отдельного индивида по отношению к социальным общностям, частью которых он выступает и благодаря которым обеспечивается процесс его выживания. Прорыв к новому, более всеохватывающему и комплексному типу человеческой организации сопровождается появлением нового образца индивидуализации. С переходом на новую степень интеграции полнота и богатство идентификации постоянно возрастают. При переходе от низшего к более высоким уровням интеграции наблюдается также смещение центров власти с одной ступени на другую, и отдельно взятый индивид чем дальше, тем больше теряет возможность влияния на принятие важных решений, теряя, как называет этот процесс сам Элиас, “шансы на власть” [Элиас, 2001: с. 229].

Такого рода тренды имеют место в последнее время в процессах интеграции на континентальной и глобальной сценах, и такое усиление интеграции, по мнению Элиаса, ослабляет влияние отдельного человека на властную верхушку человечества. Однако эти процессы имеют не только теневую сторону. Интеграция человечества на глобальном уровне ведет к появлению нового, всемирного этоса, основывающегося на чувстве ответственности за судьбу всего человечества. Этот этос проявляется, в частности, в отстаивании прав человека, борьбе за мир, противодействии различным формам дискриминации и эксплуатации, в попытках преодолеть бедность и защитить окружающую среду. Следовательно, мы становимся свидетелями зарождения нового космополитизма в качестве этоса общей ответственности за судьбу человечества как общности более высокого уровня. Эта идея, высказанная Элиасом в лапидарной и весьма неразвитой форме, получает обоснование в творчестве Ульриха Бека, для которого “космополитическое сознание” является результатом осознания людьми, принадлежащими к разным общностям и народам,

общей судьбы человечества в условиях глобальных рисков, которые могут привести к планетарной катастрофе и уничтожению самой жизни на Земном шаре. Именно эти процессы обсуждает Инглхарт, но в несколько иной содержательной плоскости, о чем речь пойдет далее.

Возвращаясь к идеям Элиаса, отметим еще несколько важных особенностей процесса идентификации, на что обращает внимание мыслитель. Понятие “Мы”, лежащее в основе коллективной идентификации, в современном мире приобретает полисемантическое звучание и состоит из нескольких смысловых пластов. Это связано с разнообразием социальных связей человека эпохи модерна, его участием в многочисленных социальных группах и общностях на разных уровнях интеграции. Именно от уровня интеграции зависит выживание отдельного человека. И как раз эти уровни приобретают различное значение в процессе эволюции, с каждым новым этапом развития все больше отдаляясь от самого индивида, приобретая все более абстрактный характер. С формированием национально-государственных институтов значительная часть функций по обеспечению выживания человека переместилась с уровня семьи на уровень государства, а позже, с возникновением наднациональных структур — еще больше отделилась от круга непосредственных первичных контактов человека. На этом этапе развития национально-государственная Мы-идентичность воспринимается в обществах позднего модерна как нечто само собой разумеющееся, почти “естественное”, не вызывающее вопросов, сомнений; она воспринимается как то, что не приобретается в процессе гражданственно-политической социализации, а якобы дается от рождения.

Идея уровня социальной интеграции как источника идентификации получила развитие в творчестве другого известного социолога Рональда Инглхарта, который еще в начале 1970-х годов предложил гипотезу о том, что постоянный рост уровней образованности населения и доступность средств массовой коммуникации будут способствовать более тесной интеграции как на национальном, так и на наднациональном, общеевропейском уровнях. Эти два уровня функционируют как части одного общего, космополитического по своей сути коммуникационного пространства, а не двух разных и потому конкурирующих между собой сетей [Inglehart, 1970: р. 46–47]. В схожем русле Карл Дойч воспроизвел процесс превращения “провинциала” в “космополита” в ходе так называемой социальной мобилизации, то есть интеграции все более новых групп в огромные коммуникационные сети, возникавшие параллельно с зарождением и укреплением национальных государств. Это позволило в конце XIX — в начале XX веков большим группам людей, ранее ограниченных в своем жизненном мире моделями непосредственного повседневного взаимодействия, выйти за эти узкие рамки и почувствовать себя включенными в общенациональный политический процесс. Инглхарт утверждает, что процесс мобилизации все еще продолжается, несмотря на завершенность многих его предыдущих стадий в наиболее развитых странах Запада, а именно индустриализации, достижения всеобщей грамотности, получения общих избирательных прав, создания массовой армии и т.п. На данном этапе мобилизация предполагает самое широкое распространение политических навыков, необходимых для участия людей в управлении большой политической общностью. Этот процесс автор называет “когнитивной мобилизацией”, имея в виду увеличение

“способности индивидов соотносить себя с отдаленными ролями и ситуациями” [Inglehart, 1970: p. 47]. На эмпирическом уровне измерения социальных установок когнитивная мобилизация проявляется в наличии или, наоборот, отсутствии у людей определенных взглядов в отношении евроинтеграции. Поддержка европейских институтов, по мнению ученого, предполагает последовательное прохождение двух стадий. Первая стадия — это когнитивная мобилизация *per se*, когда люди приобретают навыки получать и интерпретировать информацию, сообщения, месседжи касательно отдаленных политических общностей, благодаря чему институты ЕС становятся более знакомыми и менее угрожающими. Однако этого недостаточно для формирования поддержки этих институтов. Должна осуществиться вторая стадия — интернализация, или усвоение надлежащих ценностей. Более образованные группы населения имеют больше возможностей для овладения умениями и навыками, необходимыми, чтобы иметь дело с общественно-политическими вопросами, касающимися отдаленных политических общностей — как национальных государств, так и межгосударственных и наднациональных объединений.

Эмпирическая верификация гипотезы Инглхарта проводилась с использованием данных опроса общественного мнения в четырех европейских странах, три из которых являются соучредителями Евросоюза (Италия, Франция, ФРГ), а четвертая, Великобритания, на время опроса (1963 года) еще не входила в его состав. С высоким уровнем согласованности полученные данные демонстрируют тенденцию усиления поддержки европейской интеграции по мере увеличения уровня интеграции в общенациональную сеть массовых коммуникаций. Так, было установлено, что уровни поддержки разных направлений евроинтеграционной политики (проведение общей внешней политики, отмена таможенных тарифов, свободное передвижение рабочей силы и бизнеса) выше среди тех категорий населения, которые пользовались печатными СМИ, в частности журналами, имели телевизоры и радиоприемники. Контроль влияния нескольких других, потенциально значимых переменных свидетельствовал о том, что уровень образования оказывал независимое влияние на уровень европеизации сознания жителей данных стран, причем различия в уровнях образования оказывались более значимыми, чем национальная принадлежность. СМИ, по мнению автора, являются альтернативным инструментом когнитивной мобилизации для менее образованных категорий населения, поскольку именно в их среде эффект влияния масс-медиа на проевропейские установки проступает наиболее отчетливо.

Инглхарт делает обобщающий вывод о том, что все большее вовлечение населения в космополитический уровень коммуникации способствует росту не национализма, а европейского уровня идентификации [Inglehart, 1970: p. 56]. Автор подверг свои умозаключения дополнительной проверке, используя данные из более позднего опроса 1968 года в трех из четырех указанных стран (кроме Италии). В рамках второго опроса респондентам было предложено два вопроса, касавшихся поддержки создания Соединенных Штатов Европы как наднационального органа власти и предоставления этому институту права принимать решения, обязательные для выполнения национальными государствами. Выводы, к которым пришел автор, аналогичны тем, что касались когнитивной мобилизации на национальном уровне.

Дополнительно автор выявляет ряд других факторов, влияющих на проевропейские установки жителей Европы (классовая позиция, партийно-политические предпочтения, восприятие социально-экономических преимуществ). Особо высокий уровень поддержки евроинтеграции, наблюдавшийся среди молодежи, объяснялся особенностями ее социализации, а именно: отсутствием травматического опыта Второй мировой войны и влияния националистической пропаганды, а также развитием проевропейской коммуникации и т.п.

Подытоживая, можно утверждать, что Инглхарт отрицает наличие антагонистических отношений между европейской и национальной идентичностями подобно Элиасу, но предлагает несколько иное обоснование.

В русле коммуникативной теории рассматривает зарождение европейской идентификации известный теоретик Карл Дойч, который внес ощутимый вклад в разработку проблем социальной коммуникации как основы формирования национальных и государственных общностей. Дойч трактовал нацию как группу людей, объединенных схожими привычками и средствами коммуникации. Внутри такой группы коммуникативная активность отличается гораздо большей интенсивностью, чем вовне, за ее пределами. “[...] общая культура является общим набором стабильных, вошедших в обычай предпочтений и приоритетов внимания и поведения людей, а также их мнений и чувств. Многие такие предпочтения могут включать коммуникацию; людям, как правило, легче общаться в пределах одной культуры, нежели за ее пределами. По мере того, как общая культура способствует коммуникации, она формирует общность” [Дойч, 2006: с. 319]. Благодаря тесной социальной коммуникации, как утверждает Дойч, формируется общий символический мир и с большей эффективностью осуществляется социальный контроль над всеми членами общества, а также возникают благоприятные возможности для “социальной мобилизации”. Такая мобилизация происходит вокруг целей, которые формулирует и которых пытается достичь правительство, координируя усилия людей и направляя их в нужное русло. Правительственные решения принимаются на основе анализа информационных потоков. Эта теория, впервые сформулированная еще в 50-х годах XX века, звучит особенно актуально на современном постиндустриальном этапе общественного развития, когда важное значение приобрели информационно-коммуникативные технологии, благодаря которым и создается единое пространство как отдельно взятого сообщества, так и человечества как глобальной коммуникативной общности.

Увеличение потока информации и товаров чешско-немецкий социолог и политолог трактует как свидетельство нарастания процессов формирования общеевропейской общности. В то же время Дойч придерживался весьма скептических взглядов в плане возможностей смещения лояльности масс с национального на европейский уровень. Даже на уровне элит, в основном настроенных проевропейски, наблюдался не более чем прагматичный, транснационально ориентированный консенсус касательно национального многообразия.

Рассмотрев теоретические модели четырех мыслителей, перейдем к формулировке гипотетических суждений, которые могут быть положены в основу эмпирически ориентированного исследования, направленного на верификацию теоретически обоснованных гипотез.

От теоретических рассуждений к эмпирическим закономерностям: на пути к верификации гипотез

Сразу отмечу, что отношения между европейской и национальной идентичностями на теоретическом уровне могут носить разнообразный характер [Duchesne, 2008: p. 405]. Во-первых, они могут быть антагонистическими. Именно на это должны указывать теоретические положения Андерсона. Во-вторых, они могут практически не пересекаться и быть независимыми друг от друга, как в модели Инглхарта. В-третьих, эти две модели идентичности могут иметь взаимодополнительный, или комплементарный характер, как в рамках теоретического дискурса Элиаса. Итак, возможен разный тип взаимоотношений между европейской и национальными идентичностями. Можно выдвинуть еще одну, дополнительную, гипотезу, более мягкую по предполагаемому характеру взаимосвязи между национальной и европейской лояльностями: эти две разновидности идентичности могут сочетаться между собой, не вступая в конфликт, но и не усиливая друг друга. Далее приведу несколько более четко разработанных, детализированных гипотез, сформулированных так, чтобы их верификацию или фальсификацию можно было положить в основу аналитической теории среднего уровня. Такая теория могла бы дать адекватное объяснение сложным переплетениям этих двух, на первый взгляд, противоречивых и даже взаимоисключающих идентичностей.

Гипотеза 1. Как политическое объединение нового типа ЕС постепенно вступает в противоречие с национальным государством как основным и давно действующим объектом идентификации граждан. Поэтому если Б.Андерсон прав, то по мере укрепления институтов ЕС и повышения их роли в принятии значимых для граждан всех европейских стран решений (при одновременном ослаблении роли национальных государств) следует ожидать возрастания уровня идентификации с Европой и уменьшения — с национальным государством.

Гипотеза 2. Если придерживаться логики рассуждений Н.Элиаса, то можно предполагать возможность сосуществования одинаково сильных Мы-идентичностей на национальном и наднациональном, в частности европейском, уровнях в том случае, когда оба уровня общественной интеграции играют приблизительно одинаково важную роль в процессах выживания индивидов и социальных групп.

2.1. По мере того, как Европа будет становиться все более значимым объектом для удовлетворения важнейших жизненных потребностей граждан европейских стран, дополняя или даже замещая при этом национальное государство (например, в сферах социального обеспечения, соблюдения прав человека, трудовой деятельности, обучения и т.п.), уровень отождествления с Европой будет возрастать, постепенно приближаясь к уровню национальной идентичности, а со временем даже будет опережать последний. Следовательно, в динамике можно наблюдать наращивание силы и распространенности ЕИ наряду с сохранением прочной национальной идентичности. Таким образом, возрастание европейских идентификаций может быть связано с прагматическими интересами, создавая определенный симбиоз ценностей, идентичностей и интересов [Kaelble, 2009].

2.2. В условиях нарастания угроз со стороны исламского фундаментализма, терроризма, миграции возможно смещение приоритетов идентификации в сторону национальных государств при ослаблении европейской

идентичности. Это может объясняться разочарованием европейской публики касательно способности ЕС урегулировать миграционный кризис или поставить надежный заслон терроризму. Граждане стран ЕС в таких вопросах в основном все еще полагаются на собственные национальные правительства, а не на общеевропейские институты и, тем более, не на брюссельскую бюрократию.

Гипотеза 3. Согласно суждениям Р.Инглхарта, между национальным и европейским уровнями идентификации не будет наблюдаться тесной взаимосвязи, а значит, они могут развиваться параллельными курсами.

Гипотеза 4. Расширение коммуникационного пространства до общеевропейского уровня и интенсификация трансъвропейской коммуникации будут способствовать усилению и расширению ЕИ. Эта гипотеза вытекает из теоретической модели К.Дойча.

4.1. Повышение уровня коммуникации между разными европейскими народами происходит неравномерно в связи с существованием неравных условий и системы побуждений. В частности, следует ожидать, что граждане стран Центральной и Восточной Европы будут иметь меньше возможностей для интенсификации своей коммуникации с другими европейскими народами, чем их коллеги по ЕС в странах Западной Европы, в связи с ограниченными финансово-экономическими возможностями. Вместе с тем один и тот же фактор, являющийся определенным ограничителем в плане коммуникации, может способствовать усилению мобильности в результате вовлечения определенных групп и категорий населения в процесс международной трудовой мобильности. Таким образом, среди трудовых мигрантов из более бедных стран ЕС, если они достаточно долго работают в государствах Западной Европы, можно ожидать при прочих равных условиях более позитивное отношение к ЕС и более положительную ЕИ по сравнению с их согражданами.

4.2. Будут наблюдаться и существенные различия в уровне участия в трансъвропейской коммуникации между представителями различных социальных групп, категорий и сообществ. В частности, больше возможностей для встреч и коммуникации с представителями других европейских народов будут иметь те слои населения и профессиональные группы, которые занимают привилегированные позиции в системе социальной стратификации, а именно: менеджеры, профессионалы, частные собственники, представители высококвалифицированных профессий, так называемые “белые воротнички”. Как свидетельствуют уже проведенные исследования, эти категории склонны более позитивно относиться к проекту создания Единой Европы и демонстрировать более выраженную ЕИ [Fligstein, 2009].

4.3. Социально-демографические факторы могут влиять на ход процессов социальной коммуникации в европейском пространстве. Больше возможностей и одновременно заинтересованности в расширении коммуникации со своими коллегами из других стран ЕС будут иметь более молодые, образованные и мобильные категории населения со знанием иностранных языков. В этом случае можно предполагать существование двойного социального механизма влияния. С одной стороны, перечисленные категории имеют в своем распоряжении большой культурный и человеческий капитал, который можно с большей эффективностью применить на европейском рынке труда, воспользовавшись, таким образом, большими возможностями для трудоустройства в пределах ЕС. С другой стороны, высокообразованные молодые профессионалы будут проявлять большую мобильность и ин-

терес к кросскультурной коммуникации, путешествиям, налаживанию отношений со своими зарубежными ровесниками. Соответствующим образом, именно в этой среде, вероятно всего, будет происходить процесс накопления одобрительного отношения к Европе и расширения позитивной модели европейской идентификации.

Возникновение ЕИ происходит на определенном этапе исторического развития как отдельных наций-государств, так и всего европейского континента. Современная эпоха отмечается чрезвычайно обостренным чувством собственной индивидуальности в развитых странах Запада, не просто смещением акцента с коллективного на персональный уровень самоидентификации, но и безоговорочным его доминированием. Индивидуализации современного общества посвящен огромный пласт литературы, поэтому нет смысла вновь останавливаться на этой проблеме. В контексте исследования проблемы ЕИ важно рассмотреть последствия, к которым эти тенденции приводят. Идентификация стала в большой степени не просто предметом индивидуального выбора, но и определенным компонентом рефлексивного поиска и даже осознанного экспериментирования с моделями жизненного пути — легко доступными и открытыми для индивида и труднодоступными, но потенциально возможными. Создание ЕС с его невиданными доселе возможностями для свободного передвижения людей с личными, туристическими, служебными, предпринимательскими целями становится особо привлекательным в глазах молодого поколения, которое по своим физическим, психологическим и ценностным свойствам больше настроено на активное познание нового и встречу с другим. Именно поэтому можно предпочесть возможность более активного отождествления молодежью себя с Европой как сознательного выбора.

В завершение сформулирую гипотезу или исследовательское предложение, которое могло бы стать точкой отсчета при планировании и проведении будущего эмпирического исследования по обсуждаемой тематике. Соотношение между национальной и европейской идентичностями должно выйти за рамки субстанционалистской реификации как в значительной мере неадекватной реалиям современного, чрезвычайно мобильного, изменчивого, трудно предсказуемого и полного угроз мира, в котором живут ориентированные на индивидуалистические ценности люди, которые при этом не перестают оставаться выразителями и носителями национальной идентичности. Нужно отойти от упрощенной дихотомии “национальное — европейское”. ЕИ вступает в сложные констелляции взаимоотношений с другими социально-территориальными и национальными идентичностями, пересекается с идентификациями разнообразного содержания и из субстанционально различных сфер жизни. В последнее время все чаще ставят вопрос об изучении ЕИ в рамках концептуальной модели двойных идентификаций. Из предыдущих исследований становится понятно, что люди нередко придерживаются комплексных моделей самоидентификации, совмещающей лояльности разного уровня и характера. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, как это происходит и какой смысл приобретает.

Социальные психологи предлагают некоторые предварительные ответы на эти сложные вопросы. В частности, весьма продуктивными могут стать исследования двойных идентичностей в мультинациональных еврорегионах, где люди одной национальности ежедневно взаимодействуют с представителями другой национальной группы [Guglielma, 2014]. Данные исследования

помогут лучше понять влияние не только национальной идентичности на ЕИ, но и того, как в зависимости от восприятия внешней группы (out-group), а точнее другой нации, выстраивается идентификация европейского уровня. Особенно важным в данном контексте представляется восприятие других народов как представителей европейского сообщества. Нужно больше подчеркивать европейскую идентификацию как процесс, чем идентичность как статичное состояние. Этот процесс происходит путем сопоставления образа собственной нации (ин-группы), других национальных групп и сообществ (аут-группы) и категорий более общего уровня — Европы.

Чрезвычайно многообещающими являются исследования проблемы аффективной составляющей в процессе идентификации с Европой или другими наднациональными образованиями и глобальным миром в целом. В последнее время почти общепризнанным стало утверждение о том, что Европа как объект идентификации не может вызывать эмоционального отклика, соизмеримого по своей силе и насыщенности с эмоциями и чувствами, пронизывающими национальные лояльности. Тем не менее существуют единичные, но весьма надежные свидетельства того, что в действительности процесс идентификации далек от того одностороннего и упрощенного видения, которое ныне доминирует в научных источниках. Даже в Великобритании, известной своим евроскептицизмом, одно из исследований молодых шотландцев в возрасте от 18 до 24 лет выявило существование довольно весомой группы так называемых “пламенных, или страстных европейцев”, которые чувствуют сильную эмоциональную привязанность к Европе [Grundy, Jamieson, 2007]. Находясь в меньшинстве, они четко осознают собственное отличие от остальных соотечественников. В размышлениях по поводу собственной идентичности эти молодые европейцы демонстрируют сложное и неоднозначное сочетание культурных и гражданских элементов в едином идентификационном комплексе [Grundy, Jamieson, 2007: p. 675]. Они положительно относятся к общим ценностям и институтам, которые считают европейскими, склоняясь при этом к коммунитаристскому пониманию гражданства и мировоззрения, в противовес либерально-индивидуалистическому. В то же время они существенно разнятся по своим представлениям о настоящем и будущем Европы, которые в определенной степени резонируют с их самопрезентациями национальных идентичностей. Итак, картина их идентификаций оказывается гораздо более сложной и пестрой, чем та, что возникает в результате механического применения любой из приведенных выше концептуальных схем — будь то концентричная в виде “русской матрешки”, или же более мозаичная и динамичная модель “мраморного кекса” с его перемешанными в сложной и нередко случайной конфигурации пластами и слоями. Таким образом, концептуальное понятие ЕИ крайне противоречиво, наполнено различным содержанием в зависимости от нормативно-идеологической и теоретико-методологической позиции авторов и от тех дискурсивных моделей, в которых осуществляется осмысление феномена.

Источники

Андерсон Б. Уявлені спільноти / Б. Андерсон. — К. : Критика, 2001. — 271 с.

Дойч К. Народи, нації та комунікація // Націоналізм. Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера : Антологія / К. Дойч. — 2-ге вид. — К. : Смолоскип, 2006. — С. 317–332.

Коржов Г.О. Між нацією та Європою: у пошуках нових ідентифікацій / Г.О. Коржов // Вісник НТУУ “КПІ”. — 2015. — № 3/4. — С. 47–54. — Серія “Політологія. Соціологія. Право”.

Тейлор Ч. Мультикультуралізм і “Політика визнання” / Ч. Тейлор. — К.: Альтерпрес, 2004. — 172 с.

Хабермас Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. — М.: Весь Мир, 2008. — 192 с.

Элиас Н. Изменение баланса между Я и Мы / Н. Элиас // Общество индивидов. — М.: Праксис, 2001. — С. 215–330.

Burkitt I. Social Selves. Theories of Self and Society / I. Burkitt. — L.: Sage, 2008.

Bruter M. Citizens of Europe? The Emergence of a Mass European Identity / M. Bruter. — Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Castiglione D. Political Identity in a Community of Strangers / D. Castiglione // European Identity / ed. by J.T. Checkel and P.J. Katzenstein. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — P. 29–51.

Checkel J. European Identity / J. Checkel, P. Katzenstein (eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 265 p.

Duchesne S. Waiting for a European Identity ... Reflections on the Process of Identification with Europe / S. Duchesne // Perspectives on European Politics and Society. — 2008. — Vol. 9, No. 4. — P. 397–410.

Eder K. A Theory of Collective Identity: Making Sense of the Debate on a ‘European Identity’ / K. Eder // European Journal of Social Theory. — 2009. — Vol. 12 (4). — P. 427–447.

Eisenstadt S. Modernity and the construction of collective identities / S. Eisenstadt // International Journal of Comparative Sociology. — 1998. — Vol. 39, No. 1. — P. 138–158.

Fligstein N. Who are the Europeans and how does this matter for politics? / N. Fligstein // European Identity / ed. by J.T. Checkel and P.J. Katzenstein. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — P. 132–166.

Grundy S. European Identities: From Absent-Minded Citizens to Passionate Europeans / S. Grundy, L. Jamieson // Sociology. — 2007. — Vol. 41 (4). — P. 663–680.

Guglielma S. Dual identity and its mechanisms: national and European identity in the Italo-Slovene border area / S. Guglielma // Department of Social and Political Sciences Working Paper. — 2014. — No. 2.

Herrmann R. Identities and Institutions: Becoming European in the EU / R. Herrmann, M. Brewer // Transnational Identities: Becoming European in the EU. — Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2004. — P. 1–22.

Hooghe L. Calculation, community, and cues. Public opinion on European integration / L. Hooghe, G. Marks // European Union Politics. — 2005. — Vol. 6, No. 4. — P. 419–443.

Inglehart R. Cognitive mobilization and European identity / R. Inglehart // Comparative Politics. — 1970. — Vol. 3, No. 1. — P. 45–70.

Kaina V. EU governance and European identity [Electronic resource] / V. Kaina, I. Karolewski // Living Reviews in European Governance. — 2013. — Vol. 8, No. 1. — Access mode: <http://www.livingreviews.org/lreg>. — 2013. — 1.

Kaelble H. Identification with Europe and Politicization of the EU since the 1980s / H. Kaelble // European Identity / ed. by J.T. Checkel and P.J. Katzenstein. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — P. 193–212.

Korzhov G. Transnational Identities in Conditions of Global Modernization / G. Korzhov // Identities and Modernization / ed. by T. Buksinski. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. — P. 33–48.

Lindberg L.N. A Europe’s Would be Polity / L.N. Lindberg, S. Scheingold. — Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

Risse T. A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres / T. Risse. — Ithaca and London: Cornell University Press, 2010. — 287 p.